
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

А. А. ГЛУШКО

МНЕМОИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «ПЛАНИНСКАЯ ХОРВАТИЯ» («PLANINSKA HRVATSKA») В КОНТЕКСТЕ СЛОВЕНСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Статья раскрывает прикладную составляющую мифологической концепции «планинской Хорватии» в свете актуальной словенской и украинской политики памяти.

Ключевые слова: *геноцид, контрпамять, миф, самолегитимация.*

Наряду с созданием словенского и украинского канонических национальных нарративов во мнемористорических дискуссиях реанимируются старые мифологические конструкции. Архаические мифы базируются на комплексе неполноценности словенцев и украинцев (слвн. *“kompleks manjvrednosti”*), которые в течение значительного периода своей истории входили в состав соседних государств – Римской империи, Франкского Королевства, габсбургской Австрии, Венгерского Королевства, Речи Посполитой, Московского царства, Российской империи, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Югославии и СССР. Вместе с дискурсивным приписыванием словенцам и украинцам неспособности внутренне консолидироваться в этих мифах используется этнополитический компонент их идентификации (тезисы о «неисторических народах», «малых нациях», «неожиданных нациях»).

Попытка альтернативного историописания, согласно Мишелю Фуко, основывается не только на эволюции интеллектуальных тра-

диций, но и на переоценке дискурсивных практик, которые реконструируют воображаемое прошлое исходя из политической целесообразности и в соответствии с преобладающими в обществе мифологическими конструкциями (Хаттон б. г.). Эта составляющая контрпамяти расширяет границы существующего национального нарратива и вводит в словенскую и украинскую мнемоисторические схемы новые народы, новых героев, «забытых при коммунистах». Задействование альтернативного хронотопа и «пантеона героев» связано с эмоциональным компонентом, с необходимостью диалога поколений, внутреннего примирения на основе припоминания старых травм, обид и конфликтов с соседними народами. Чувство эмпатии и сопричастности к конфликтам прошлого становится залогом «преодоления» негативного исторического опыта и основой для политического компромисса относительно противоречивых дат, героев и событий (Артюх б. г.).

Ключевыми параметрами, обуславливающими вживание моделей контрпамяти в повседневный исторический дискурс, по мнению Ларисы Нагорны и Юрия Шаповала, являются:

1. Смысловые противоречия между схемами альтернативных проектов памяти.

2. Антагонизм между коммунистическим и постмодернистским миропониманием.

3. Региональные версии идентичности (например, галицкий прометеизм, донбасский сепаратизм, закарпатское политическое русинство в Украине; в Республике Словения аналогичные центробежные процессы отсутствуют. – А. Г.).

4. Альтернативная мифологизация знаковых исторических событий и деятелей, что ведет к неоднозначности оценок и изменениям общественного сознания (Шаповал, Нагорна 2012: 207).

В перечень соседей, синхронно задействованных в словенском и украинском национальных нарративах, в качестве творцов альтернативных схем памяти входят немцы (концепт «Серединной Европы», где словенцам отводится роль перманентной западнобалканской периферии, украинцам – тысячелетней восточноевропейской периферии), сербы (концепт «Великой Сербии» на Балканах и давний исторический союзник России), хорваты (концепт «Великой Хорватии» от Днестра до Эльбы), итальянцы (проект «возрож-

дения» Римской империи в новых границах, где словенцы играют роль угнетенного и культурно низшего народа) и венгры (фантомная идея «Великой Венгрии» на почве этнонациональных конфликтов в Закарпатье и Словакии).

На фоне пересмотра карты памяти словенцев и украинцев сегодня определенный общественный резонанс представляет хорватская схема контрпамяти. Она воплощена в мифе о «планинской Хорватии» и основана на ностальгических воспоминаниях хорватов о началах своей государственности и поисках «забытой» средневековой «Великой Хорватии» (лат. *Chrobatia Magna*) на территориях Украинских Карпат, Словакии, южной Польши, Баварии, Венгрии, Австрии и Словении. «Восстановление» памяти (англ. *memory restore*) о хорватском следе в Центрально-Восточной Европе эпохи Средневековья политически сочетается с перманентным конфликтом со Словенией относительно делимитации и легитимации границ в Истрии и раздела территориальных вод Адриатики между обеими странами (Vam... n.d.).

Этот проект позитивно комплементарен относительно Украины, так как соответствует канонам отечественного национального нарратива с акцентуацией на «забытых» событиях западноевропейского периода истории в пользу московского вектора. Деятельность Центра украинистики при Загребском университете во главе с профессором Евгением Пащенко, регулярное академическое сотрудничество филологов и археологов, группа украино-хорватской дружбы на Youtube способствуют формированию автономного межнационального исторического нарратива с отходом от традиционных неосоветских схем (см., например: *Vijeli... n.d.*; *Hrvati... n.d.*). Аналогичные проукраинские настроения наблюдаются в хорватском обществе.

В 2007 г. на первом канале хорватского телевидения был показан фильм «Генетическое происхождение хорватов», где Украине отводится роль «одной из прародин», которая существенно повлияла на расселение хорватов и становление их государственной традиции. Авторы фильма апеллируют к данным истории, археологии, палеографии, филологии и генетики (исследования материнской ДНК), которые указывают на связь хорватов с украинскими Карпатами и Приднестровьем. К выработке стратегий памяти был

привлечен и хорватский Институт генетики во главе с экс-министром охраны здоровья Драганом Приморацем, который в своих выводах подтвердил факт давних взаимоотношений между украинцами и хорватами на территории от Вислы до Днестра (HRT... n. d.).

Таким образом, миф «Великой Хорватии» был структурно и функционально расширен и обрел элементы дополнительной ситуативной рационализации. За научными утверждениями в русле «новостей» и «сенсаций», как представляется, стоит актуальный политический интерес. В Республике Словения восприятие хорватской модели воображаемого прошлого связано с воспоминаниями о трагических событиях югославской эпохи и борьбой за делимитацию южной границы (по морю и по суше). Поэтому компаративные научные исследования, рассчитанные на узкую аудиторию, в массовом сознании не имеют значительного влияния. Медиа-ресурсы и деятельность национал-патриотических общественных организаций вытесняют рациональное знание и усиливают влияние межэтнических стереотипов.

Миф о «планинской Хорватии» географически затрагивает историческую память словенцев Белой Крайны и Межмурья, то есть сосредоточен на Юге (конфликтное словенско-хорватское пограничье). Эта «манифестация памяти», по мнению Йошко Шавли, основана на югославском политико-правовом наследии, где словенцам была предназначена второстепенная роль, тогда как основные центры влияния находились в Белграде и Загребе (Šavli n. d. a; n. d. b).

Отказ от югославской идеологической модели не привел к отходу от тогдашних мифов, которые обуславливали борьбу «карт памяти» (или «стратегий памяти») шести народов. Словенцы и хорваты как исторические соседи пользуются двумя противоположными принципами в ходе борьбы за сакральный образ прошлого. Марко Зайц отмечает, что словенцы «опираются на природное право», которое они усиливают апеллированием к каринтийской эпохе и ее памятникам (*Institutio Sclavenica, Slavica Lex*). Хорваты придерживаются «территориально-исторического принципа». При этом данные ойконимии и карты разных эпох априорно трактуются в телеологическом ключе (Zajc 2009: 13–15).

Наличие нарратива «Великой Хорватии» не только усиливает «войну памяти» относительно Средневековья и раннего Нового времени, но и обуславливает уровень конфликтности современных межгосударственных отношений Загреба и Любляны. Это происходит вопреки попыткам власти (во главе с президентом Борутом Пахором и премьер-министром Янезом Яншей) утвердить в сознании словенцев неосоветский концепт памяти, который рассматривает хорватов как политических союзников в противостоянии с сербским и итальянским культурным и дипломатическим давлением (воспоминания об эпохе иллиризма и борьбе за суверенитет в 1918–1920 гг.). Отчет совместной словенско-итальянской культурно-исторической комиссии содержит комплиментарные выводы о хорватах (как общих со словенцами «жертвах фашистского режима»). Вместе с тем итальянцы предстают ответственными за преступления режима Муссолини, в особенности в части репрессий против словенского населения в окрестностях Триеста, Приморья и Юлийской Крайны (Verginella 2011: 125).

Общественная мысль Словении, которая активно используется в «боях за историю» под влиянием актуальных политических событий (вступление Хорватии в НАТО и ЕС 1 мая 2009 г. и 1 июля 2013 г. соответственно), обращается к обоим мифам. Апеллируя к нормам международного права, она стремится доказать «вековые претензии» итальянцев и хорватов, стремящихся лишить их родину статуса морской державы и изолировать ее. Этот мобилизационный мифогенный ресурс способствует напряженным межэтническим отношениям и росту ксенофобских настроений среди правых политических кругов.

Людей, которые переселялись из балканских стран в Словению после распада СФРЮ и стали ее гражданами, называют «чужаками», «представителями мафиозных группировок», «необустроенными пришельцами», «людьми низшего сорта» (слвн. «*čefurji*») и акцентируют внимание на отрицании ими словенского языка, обычаев и истории (см., например: Slovenski... n.d.; Čefurji... n.d.). Подозрительность и недоверие к переселенцам из соседних стран (как правило, из Хорватии, Боснии и Герцеговины, Македонии) основываются на манипулятивной мнемоисторической риторике, которая эмоционально использует одномерно трактуемую категорию

вины без учета собственных прошлых проступков. Социолог Полон Доминик полагает, что особенно сильны эти настроения среди подростков и студентов (от 14 до 23 лет), которые чаще других категорий населения участвуют в конфликтных практиках памяти (Kdo... n.d.).

После распада Югославии основное внимание в контексте воспоминаний своего сакрального пространства перекладывается на продолжающийся воображаемый «бой за южную границу» (слвн. «*boj za južno mejo*») с Хорватией. В основе этих процессов лежит «болезненное припоминание» (англ. *painful remembrance*, согласно Барбаре Мизгаль) утраченных земель как «своих», «исконных словенских этнографических территорий» (например, Триеста и Риеки) и как таких, которые при согласии международного сообщества были «аннексированы» Хорватией после Второй мировой войны.

Показательны размышления бывшего депутата словенского парламента и журналиста Андрея Ленарчича: «До Первой мировой войны область Приморья с Истрой, Риекой и Кварнером управлялась Люблянкой. Крупнейшим словенским городом Габсбургской монархии был Триест... После распада Югославии эти земли вопреки тексту мирного соглашения 1947 года не были возвращены Словении» (Lenačič... n.d.). Подобная точка зрения характерна для представителей словенских правых (нынешняя оппозиция) и сторонников националистического концепта исторической памяти. Левые политические круги, представленные в правительствах Борута Пахора (2010–2012) и Аленки Братушек (2013–2014), придерживаются мнения о важности сохранения существующих границ и международных обязательств с Италией и Хорватией по принципу *quieta non movere**.

Массовая память, не всегда задействованная в актуальных идеологических противостояниях, имеет иное видение по вопросу границ и воспоминания о военных преступлениях соседних государств. Она фокусируется на локальных, субрегиональных нарративах о репрессиях и расстрелах мирных граждан, то есть на событиях, эмоционально актуальных для носителей воспоминаний и их потомков. Например, покойный Марко Сирк из села Славчи свиде-

* Не трогать того, что покоится (лат.). – Прим. авт.

тельствовал: «Я хорошо запомнил некоторые события Второй мировой войны. Знаю, что долина от моста Петернел под Славчами в котловинах полна мертвых словенских жителей с окрестностей, которые были расстреляны без суда титовскими партизанами и итальянскими гарибальдийцами» (Prikrita... n.d.). Он также отметил относительно расстрелов в Петернеле 1944 г. (один из наиболее масштабных расстрелов мирного населения в Словении времен Второй мировой войны), что речь шла о примере тактической коллаборации между сербскими партизанскими отрядами и итало-немецкими войсками: «Жертвы, сожженные в Петернеле в 1944 году, были результатом невынужденного и бессмысленного провоцирования немцев» (*Ibid.*).

Несмотря на факты дипломатического сотрудничества и международной правовой ответственности трех государств – Югославии, Германии и Италии, словенскими национал-патриотическими кругами основная ответственность возлагается на Белград как на «виновника» территориальных и человеческих потерь после Второй мировой войны. Как отмечает Янез Шушник, «речь идет о восстановлении третей Югославии в виде геополитического проекта Западных Балкан» (Šušnik n.d.). Часть словенских политиков, публицистов и общественных активистов указывают на угрозу словенской государственности со стороны Хорватии, которая, по их мнению, незаконно присвоила себе территории Истры, мыса Савудрии и Межмурья (бассейн р. Муры).

Это случилось во время послевоенного урегулирования границ, когда согласно международным договорам (Мирный договор между СФРЮ и Республикой Италия 1947 г., Брионская декларация 1954 г.) Истрия и часть побережья Адриатики с Рисксой и мысом Савудрия должны были отойти к Федеративной Республике Словения в составе Югославии. В 90-е гг., как пишет Андрей Шишко, часть словенских земель была арендована Хорватией на период курортного сезона, но позднее «была противоправно присвоена при молчаливом согласии официального политикума в Любляне» (Šiško 2011: 224). Поскольку эти территории в 1991 г. были односторонне включены в состав Хорватии, словенские правые политические круги и общественные организации настаивают на том, что в их исторической памяти хорваты разделяют ответственность за «окку-

пационные акции на южной границе» и за ущемления прав местных словенцев.

На каких принципах ментального картографирования и политической истории построен миф о «планинской Хорватии»?

1. Идея «планинской Хорватии» основана на ностальгическом воспоминании раннесредневековой хорватской государственности, которая территориально достигала р. Днестра на Востоке (ныне – Восточная Гуцульщина) и р. Лабы (Эльбы) на Западе (Северо-Западная Чехия, Бавария и Саксония), Силезии на севере, Албании и Черногории на юге. По мнению ряда хорватских исследователей, публицистов, журналистов в IX–X вв. в Центрально-Восточной Европе существовала Великая Хорватия, которая состояла из Белой (карпатской) и Красной (балканской) Хорватии. Таким образом, факт существования словенцев как наследников государства Каринтия отрицается. Словенцы рассматриваются как «альпийские славяне» (*alpski Slovani*) или «альпийские хорваты» (*alpski Hrvati*) (Moškon 2011: 24; Klaić 1984: 255, 257–258). Каринтия согласно нарративной традиции этого мифа рассматривается как «одно из древнехорватских государств», которое со временем германизировалось и латинизировалось, утратив свою первоначальную идентичность.

2. Украинцы Карпат (от Днестра до Тисы), согласно искомому мифу, предстают потомками «белых хорватов», которые потерпели поражение от войск киевского князя Владимира и частично мигрировали на Балканы (996 г.). «Белохорватский» дискурс в исторической памяти лемков, бойков и закарпатцев в последние годы вытесняет традиционный «киеворусский» и таким образом выделяет его в отдельный субнарратив. Последний постулирует отличие истории Карпат от Великой (степной части) Украины и насильственный характер распространения национального нарратива (см., например: Глушко 2012; 2013; Засновник... б. г.; Карпатські... б. г.). В краевых версиях исторической памяти карпатских украинцев Белая Хорватия отождествляется с исходной, наиболее старой эпохой их истории, со временем расцвета, и является сакрализованной версией государствообразующего мифа. Стремления к политической и мнемоисторической обособленности Галиции от Киева

и Левобережной Украины становятся более аргументированными в свете хорватской национальной мифологии.

3. «Планинская Хорватия» является мифическим обоснованием претензий хорватов на земли словенцев, венгров и итальянцев. Она отображает стремления части политикума и интеллигенции выйти за рамки стигматизированного символического образа Балкан как области нестабильности и перманентных войн. Средствами телеологизации исторической памяти хорватские политики и общественность стремятся сформировать новое лицо своей страны как древнего посредника между Центральной Европой, Средиземноморьем и Балканами. Символическим ритуалом нахождения «между тремя мирами» – германским, романским и славянским – хорватский гранд-нарратив вытесняет словенский нарратив Каринтии (как олицетворение «старой правды» – сакрализованной «золотой эры» с правовой традицией *Institutio Sclavenica*, Княжим Камнем, обрядом приведения к присяге князей и Церковью св. Богородицы как воплощением «единства в Вере») и обращается к своему национал-патристическому наследию XIX в. – иллиризму (хорваты как потомки древнего населения Балкан).

Следует отметить, что, конструируя миф о «планинской Хорватии» и формулируя соответствующую нарративную базу, хорваты опирались на наработки своих словенских коллег. В 1925 г. была напечатана книга Людмила Гауптмана «Каринтийская Хорватия», где автор отстаивал тезис о давних исторических связях Каринтии и Далмации, которые в течение VII–XIV вв. принадлежали хорватским правителям (Hauptmann 1925). Карты воображаемой «Великой Хорватии» времен Томислава I Трпимировича (первая половина X в.), которыми оперируют многочисленные хорватские историки, журналисты и публицисты, указывают на принадлежность всей территории нынешней Словении, части Австрии и Венгрии к хорватской державе «народных властителей» и на «аффективный» телеологический характер воспоминания пространства прошлого (*Ibid.*: 297–317; *Hrvatski... n.d.*; *Dolazak... n.d.*; *To je zemlja... n.d.*). Сакральное поле «планинской Хорватии» в «боях за историю» и ментальная география ее «актеров» достигает следующих территорий: Восточные Альпы, бассейн рек Савы, Дравы и Муры («Каринтийская Хорватия», современная Словения); Приморская Хор-

ватия (Триест, Копер, Пиран, мыс Савудрия рассматриваются как исконно хорватские); Паннонская (Посавская) Хорватия (нынешние Западная Венгрия, словенское Прекмурье, словенская Белая Крайна); Червонная Хорватия (Погания или Неретвянская бановина, Захумлье, Травунья, Дукля; современные Черногория, Санджак и Северная Албания) (Jezik... n.d.; Stina... n.d.).

В словенском случае мифическая «планинская Хорватия» является деструктивным фактором «расчета с прошлым» (Н. Яковенко). В украинском национальном нарративе она составляет системообразующий элемент конструирования мнимого прошлого и преемственности национального движения на Правобережной Украине. В последние годы благодаря усилиям ученых и журналистов (Л. Войтович, И. Красовский, Н. Кляшторная, О. Корчинский, В. Максимович, С. Бригинец) белохорватская эпоха становится частью общегосударственного нарратива украинской истории, которая выводит ее из традиционных координат «Варшава – Москва» в пространство памяти Центральной Европы (княжество Само ↔ государство князя Славника ↔ Великая Хорватия).

Миф о «планинской Хорватии», который отрицает континуитет и уникальность словенской истории, встречается в работах профессиональных исследователей как составляющая мнемоисторического дискурса «прихода хорватов к Адриатике» (Н. Клаич, Л. Гауптман, К. Луцерна, Б. Графенауер) (Grafenauer 1963: 1147–1150; Hauptmann 1925; Klaić 1984; Lucerna 1936). В научной среде наиболее дискуссионными остаются проблемы генезиса этнонима «хорват» в эпоху раннего Средневековья и целесообразность употребления термина «альпийские славяне» применительно к предкам современных словенцев.

В локусе массовой хорватской памяти претензии на историческое пространство современной Словении имеют ретроспективный и гегемонистский характер. Хорваты, по убеждению сторонников мифа «планинской Хорватии», несколько веков населяли территории Каринтии, Штирии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории и Албании. Под влиянием естественных государствообразующих процессов «хорватская» ойконимика не сохранилась в Черногории и Словении. Эти особенности хорватской модели контрпамяти в словенском национальном нарративе объясняются с точки

зрения природного права «сильного», права победителей в «войне памяти». В противовес этому традиционный хорватский нарратив вспоминает процесс расселения на Балканах в VII в. и «эпоху народных властителей» (банов) VII–X вв. как время распространения аутентичного «государственного права». Это воображаемое транс-историческое «право» сохранилось до времен Австро-Венгрии. В югославской федерации оно было подзабыто. С обустройством суверенного хорватского государства проект «планинская Хорватия» стал геополитической стратегией.

Структурно проект «планинская Хорватия» построен на конститутивном типе «забывания», когда потребность создания новой идентичности приводит к игнорированию «неудобных» (неканонических) исторических событий, государств, личностей для эффективного функционирования «воображаемой общности» (Ogris *et al.* 1994: 62–64).

Столетия политического диалога словенцев и хорватов на фоне сложных дискуссий о границе структурируют «воспоминания» в русле поисков автохтонности и стремлений доказать пассионарность и экспансивность соседа. На помощь политикам и общественности привлекаются новые данные генетики. Согласно исследованиям группы ученых во главе с экс-министром охраны здоровья Хорватии Драганом Приморацем, словенцы являются вторыми (после боснийцев) ближайшими родственниками хорватов, что спекулятивно объясняется в категориях этнокультурной и политической принадлежности словенцев к упомянутой «Каринтийской Хорватии» во времена «хорватских народных властителей» (хорв. *hrvatskih narodnih vladara*) (HRT... n.d.).

Нарратив Белой Хорватии имплицитно присутствует в современном украинском мнемоисторическом дискурсе. Белая Хорватия предстает предшественником Галицко-Волынского княжества, а западные украинцы (преимущественно лемки и бойки) – как потомки «белых» или карпатских хорватов, которые веками жили на территории от Прута и Днестра до Баварии (Kroch n.d.; Різун б. г.). Во время переселения части хорватов на Балканы в эпоху византийского императора Ираклия «белые» хорваты остались на своих землях и генетически вошли в состав карпатских украинцев, руси-

нов, польских гуралов и силезцев, сербов-лужичан, словаков и чехов.

Чешский исследователь Карел Крох (Прага) в журнале «Огнище» за 1995 г. пишет: «Новые подробные анализы, старейшие письменные документы и археологические находки недвусмысленно показали, что на землях нынешней Украины с IV в. н. э. существовала вторая праславянская Красная Хорватия, которая в течение VII в. славянизировалась и вошла в состав карпатской Великой Хорватии вместе с западной Белой Хорватией. Можно утверждать, что эта ранняя Красная Хорватия в Украине на основе нескольких факторов является значимым праславянско-раннехорватским государством... Красная Хорватия в Украине является политико-правовой основой государственности. Эта Красная Хорватия есть отправная точка движения икавских хорватов к Адриатике» (Kroch n.d.). Эта мысль отражает новую тенденцию конструирования нарратива «малых наций» (Э. Геллнер) – украинцев, хорватов, чехов, словаков, – поиски воображаемого прошлого в истории малоизвестных государств и телеологическую акцентуацию на своей стародавности. Политический интерес сторонников национальной истории состоит в отходе от канонических («тоталитарных», наднациональных) схем памяти в пользу новых, символически привлекательных видений прошлого, которые становятся элементом ритуалов героизации и нахождения *своего* образа в веках.

Высокий конфликтогенный потенциал хорватско-словенских боев за границу выразительно проявляется в ходе социологических опросов. В 1993 г., при президентстве бывшего коммуниста Милана Кучана, только 15 % словенцев находили общие черты с хорватами, тогда как со словаками – 21 %, с чехами – 22 %. Наиболее позитивно воспринимались немцы – 33 % (Ogris *et al.* 1994: 59). В 2009 г., когда правые политические круги в Любляне пытались организовать референдум против вступления Хорватии в НАТО, они взяли на вооружение мнимоисторическую риторику. Вспоминает участник тех событий Андрей Шишко: «Наша позиция состояла в том, что соседнее государство оккупировало свыше 1000 гектаров бесспорно словенских территорий и важную часть словенского морского пространства, поэтому мы не можем позволить себе находиться с оккупантом в военном союзе» (Šiško 2011:

213–214, 224). В Украине этнополитические конфликты на почве мифа о «планинской Хорватии» отсутствуют.

На уровне массовой памяти миф про «планинскую Хорватию» как универсализацию исторического пространства отображается в литературно-публицистических и интернет-дискуссиях. Словенцы настаивают на своей удаленности от Балкан как стигматизированной конфликтной среды. Хорваты, со своей стороны, негативно оценивают эти тенденции, считая словенцев «отступниками», «предателями», которые отказались от столетий «общей истории». Украинцы комплиментарно рассматриваются как «братья» или «дальние родственники за Карпатами» (HRT... n.d.).

Таким образом, мнемоисторические дискуссии, основанные на альтернативной исторической памяти о «планинской Хорватии», отражаются на геополитических и этнонациональных спорах словенцев и, в меньшей мере, украинцев с соседними государствами. Этот проект отрицает официальный нарратив неокommунистичного образца и используется для манипулятивных общественных акций представителями «групп памяти» в символическом треугольнике «Альпы/Карпаты – Паннония – Истрия». Акцентуация на перманентных попытках «порабощения» средствами культурно-информационного, военного и дипломатического влияния, использования «геноцидной» карты в политических играх способствует высокой степени конфликтности и травматичности памяти о воображаемом прошлом. Историческая самолегитимация формируется на мартирологической призме «вины» и «захватнических намерений» соседей. Дискурсивная риторика «жертвы», построенная на оценочных штампах этих мифологических конструкторов, направлена на личный сентимент обывателя и на изобретение эффективных компенсаторных схем в повседневных «боях за историю».

Литература

Глушко, А. О.

2012. *Интерв'ю з головою Всеукраїнського товариства «Лемківщина» В. А. Ропецьким*. Київ.

2013. *Интерв'ю з істориком, журналістом, членом ВУТ «Бойківщина» Н. О. Кляшторною*. Київ.

Шаповал, Ю. І., Нагорна, Л. П. та ін. 2012. Політика історичної пам'яті в Україні: консолідуючий та дезінтегруючий потенціал. *Політичні*

проблеми сучасної України: аналітичні доповіді Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАНУ (с. 125–150). Київ: ІПіЕНД ім. Кураса НАН України.

Grafenauer, V. 1963. Cotsetlas=Kosezi? *Sodobnost*, L. XI, Š. XII: 1147–1150.

Hauptmann, L. 1925. *Karantanska Hrvatska*, Zbornik kralja Tomislava u spomen tisućugodišnjice hrvatskoga kraljevstva (st. 297–317). Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

Klaić, N. 1984. O problemima stare domovine, dolaska i pokrštenja dalmatinskih Hrvata. *Zgodovinski Časopis* 38(4): 253–270.

Moškon, M. I. 2011. *Sklaveni, Sloveni, Slovenci*. Novo Mesto: Samozaložba.

Ogris, G., Lay, M., Toš, N. 1994. *Novi nacionalizem na Vzhodu in Zahodu, Slovenija in Avstrija*, Slovenski Izziv II: rezultati raziskav javnega mnenja 1992–1993, urednik Niko Toš (st. 51–71). Ljubljana: Fakulteta za družbene vede – IDV.

Šavli, J. 2010. *Slovenska državna misel*. Bilje: Studio RO – Humar.

Šiško, A. 2011. *Resnice je zmagala*. Maribor: Društvo za ohranjanje domoljubnih izročil Hervardi.

Verginella, M. 2011. *Granica drugih: pitanje Julijske krajine i slovensko pamćenje*. Zagreb: Srednja Europa.

Zajc, M. 2009. *Kje se slovensko neha in hrvaško začne: slovensko-hrvaška meja v 19. in na začetku 20. stoletja*. Ljubljana: Modrijan.

Интернет-источники

Артюх, В. Б. г. Зміст поняття історична пам'ять на тлі українських реалій. URL: http://soippo.narod.ru/documents/konf_zhuk/artuh.doc

Засновник Великої Хорватії. Б. г. URL: <http://krayani.lemko-centre.org/content/zasnovnik-veliko%D1%97-khorvat%D1%96%D1%97>.

Карпатські горвати – Carpathian croats – Karpatski horvati (Ukrainian tribe). Б. г. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Rk11iFcb58&NR=1>.

Різун, Т. Б. г. Хорватська столиця поблизу Львова. URL: <http://postup.brama.com/usual.php?what=44076>.

Хаттон, П. Б. г. История как искусство памяти. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/hatt/index.php

Bijeli Hrvati (Ukrajina). N.d. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=m05pqXsWKno>.

Čefurji. N.d. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=aRHHW7c-AoY>.

Dolazak Hrvata (Hrvatske povijesne zemlje i granice) N.d. URL: http://www.youtube.com/watch?v=EG49SMNthYo&playnext=1&list=PL36E5400F377D3E5B&feature=results_video.

Gregorčič, S. N.d. Soči. URL: http://www2.arnes.si/~osngsg1s/s_greg/s_greg4.htm.

HRT: Genetsko podrijetlo Hrvata – 3. dio – Ukrajinska veza. N.d. URL: http://www.youtube.com/watch?v=rUSs-J87E_0.

Hrvati i Ukrajina, kulturno-povijesne veze. N.d. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=G2gPwinfIno>.

Hrvatski Gradovi. Velika Hrvatska. N.d. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=FAgpxRxynHs>.

Jezik, lingvistika i politika – ilirski iliti slovinski jezik. Hrvatsko ime u prošlosti i sadašnjosti. N.d. URL: <http://www.hercegbosna.org/kultura/hrvatski-jezik/jezik-lingvistika-i-politika-ilirski-iliti-slovinski-jezik-183.html>.

Karantanska Hrvatska – Slovenija. N.d. URL: <http://www.facebook.com/notes/priznajem-hrvat-sam/karantanska-hrvatska-slovenija/366638786750558>.

Kdo je "čefur"? URL: <http://www.youtube.com/watch?v=QaFk9TOhHzk>.

Kroch, K. N.d. Crvena Hrvatska u Ukrajini. URL: http://www.hrvatskipravoslavci.com/index.php?option=com_content&view=article&id=567:crvena-hrvatska-u-ukrajini&catid=2:povijest&Itemid=10.

Lenarčič, A. N.d. Izhodišće za pogovore o meji z RH. URL: <http://www.domovinasospomini.eu/blog/2010/05/>

Lucerna, C. 1936. Tragovi saobraćaja između Karantanije in Dalmacije u doba Karlovića. URL: <http://www.hrca.hr/file/76840.pdf>.

Predstavitev knjige. Aloiz Zidar «Slovenski narod pomni in obtožuje. Zločini, ki jih je nad Slovenci zagrešila italijanska fašistična država». N.d. URL: <http://www.harvardi.com/snpo.php>.

Prikrita morišča 2.del. Tudi Primorska je posejana z množičnimi grobišči. URL: <http://primorski-panterji.info/wp/?p=2687>.

Slovenski čefur. N.d. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=SIw7hrzb-6g>.

Stina naših pradidova (Kraljevi naroda Hrvata). N.d. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=8pLtaBKPIUQ&list=PL36E5400F377D3E5B>.

Šavli, J.

N.d.a Identiteta Slovencev. Mimo ideologije in akademskih ponaredb. URL: http://www.carantha.net/identiteta_slovencev.htm.

N.d.b Izničevanje zgodovinske identitete. URL: http://www.carantha.net/iznicivanje_zgodovinske_identitete.htm.

Šušnik, J. N.d. Slovenija, med Vzhodom in Zahodom. URL: http://www.primorski-panterji.info/index.php?option=com_content&view=article&id=362:slovenija-med-vzhodom-in-zahodom&catid=45:sdj&Itemid=76.

To je zemlja gdje žive Hrvati (Hrvatske domoljubne pjesme). N.d. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VxDyePYeoXE>.

Vam. N.d. «Prepeva pojoči major» – predsednik za očiščenje in preporod Slovenije. URL: http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=rI4j5JTgHYU#.